

Библейско-богословская коллекция
Серия «ЦЕРКОВНОЕ ИСКУССТВО»

**Орлов А.С., Адрианова-Перетц В.П.,
Гудзий Н.К.**

СИЛЛАБИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

- 1. СИМЕОН ПОЛОЦКИЙ**
- 2. СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ**
- 3. КАРИОН ИСТОМИН**

История русской литературы. Т. II, часть 2.
Москва, Ленинград, 1948. С. 342-353

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2011

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2011

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

История русской литературы

Т О М

И I

Ч А С Т Ь В Т О Р А Я

Л И Т Е Р А Т У Р А 1 5 9 0 — 1 6 9 0 г г .

Р Е Д А К Т О Р Ы Т О М А

акад. А. С. ОРЛОВ, чл.-корр. В. П. АДРИАНОВА-ПЕРЕЦ,
действительный член Украинской Академии наук Н. К. ГУДЗИЙ

И З Д А Т Е Л Ъ С Т В О А К А Д Е М И И Н А У К С С С Р
М О С К В А 1 9 4 8 Л Е Н И Н Г Р А Д

Силлабическая поэзия

1. Симеон Полоцкий

Уже с начала XVII в., параллельно с опытами применения в книжной литературе различных систем устно-поэтического стихосложения, появляются первые русские «вирши», связанные с украинско-белорусской литературой и представляющие пока еще не достаточно искусные образцы силлабических стихов (вирши Хворостинина, Шаховского, Катырева-Ростовского и других авторов первых десятилетий XVII в.). Эти вирши еще не создали в русской литературе традиции силлабической поэзии: история ее начинается литературной деятельностью Симеона Полоцкого.

Белорусс по национальности, Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович, будущий иеромонах Симеон Полоцкий, родился в 1629 г., повидимому, в Полоцке. Высшее образование он получил в Киево-Могилянской коллегии, крупнейшем тогда православном центре высшего гуманитарного и богословского образования. В 1656 г. он принял монашество в Полоцком Богоявленском монастыре, а затем стал учителем в Полоцкой «братской» школе. В 1661 г. Полоцк был занят поляками, и Симеон в 1663 или 1664 г. переехал в Москву. Поселившись здесь в Спасском монастыре, Симеон вскоре стал, по царскому указу, обучать латинскому языку подьячих приказа тайных дел. В 1665 г. для этой школы было построено особое «хоромное строение», где и жил со своими учениками Симеон. Покровительство влиятельного тогда в правительственных кругах газского митрополита Паисия Лигарида открыло Симеону доступ ко двору. В начале 1665 г. он поднес царю Алексею Михайловичу «о новодарованном сыне государе царевиче и великом князе Симеоне Алексеевиче благоприветствование». Составленное стихами, это «благоприветствование» было благосклонно принято царем и послужило началом деятельности Симеона в роли первого русского придворного поэта. Человек образованный и начитанный в богословской литературе, Симеон вскоре был привлечен и к участию в правительственных мероприятиях, направленных против старообрядчества. По поручению правительства, Симеон составил обширный богословско-полюемический трактат, который в конце 1667 или в начале 1668 г. был напечатан под заглавием «Жезл правления» с посвящением царю Алексею Михайловичу. Книга имела

успех и снискала Симеону славу первоклассного полемиста. Широкая образованность Симеона, его литературные таланты побудили царя Алексея Михайловича пригласить его в 1667 г. в наставники к наследнику престола царевичу Алексею, а после смерти Алексея — к царевичу Федору. Ему же был поручен надзор над обучением царевны Софьи и малолетнего Петра. Приглашение ко двору в качестве домашнего учителя царских детей окончательно упрочило положение Симеона в придворных кругах. Он становится одним из влиятельнейших людей при дворе Алексея Михайловича, а после его смерти и при дворе своего ученика царя Федора Алексеевича.

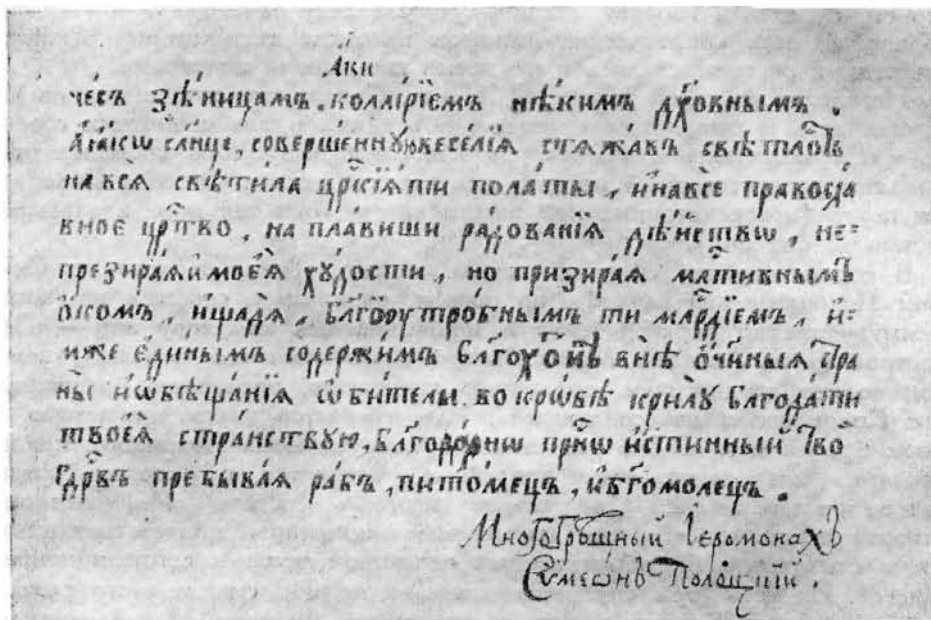
Своей карьере при московском дворе Симеон в значительной степени был обязан не только своему положению наставника царских детей и литературным талантам, но и свойствам своего характера. Скромный, обходительный и осторожный, он обладал даром со всеми ладить, быстро приспосабливаться к обстановке, не ссориться с врагами, чутко прислушиваться ко всем колебаниям неустойчивой подчас придворной погоды. Имея возможность при своих обширных связях добиться любого положения в современной ему церковной иерархии, он никогда не стремился, однако, занять какой-либо высокий церковно-административный пост. Тревогам церковно-административной деятельности он предпочитал, по удачному выражению одного из его многочисленных корреспондентов, — «спокойное житие близ солнца». Вполне довольный своим положением рядового иеромонаха, он в жизни, как кажется, более всего ценил неизменное к себе расположение своих высоких покровителей, мирный уют своей комфортабельно обставленной кельи в Спасском монастыре и свою библиотеку.

Судя по дошедшей до нас описи и сохранившимся экземплярам книг, библиотека Симеона действительно принадлежала к числу наиболее замечательных частных библиотек в Москве XVII в. В нее входили книги, преимущественно на латинском и польском языках, частью приобретенные самим Симеоном, частью полученные в подарок от разных лиц, между прочим, от его друга и учителя, полоцкого архимандрита Игнатия Иевлевича. Библиотека Симеона — прекрасное отражение его научных и литературных интересов. Книги богословские; исторического содержания — «Speculum Historiale» Викентия из Бовэ, «Annales Mundi, sive chronicon universale» Бриция, «Annales ecclesiastici» Барония и др.; издания римских классиков, Саллюстия, Тита Ливия; «Polytyka» Аристотеля в переводе на польский язык; сборники латинских проповедников — Меффраета «Hortulus Reginae», Маршанция «Hortus pastorum» и т. п.; разного рода популярные на Западе в его время энциклопедические сборники, каковы: «Polyanthea», «Loci communes, sive florilegium rerum et materialium», «Apophtegmata», — таков далеко не полный список изданий, которыми располагал Симеон. Многие из сохранившихся до нашего времени книг библиотеки Симеона носят следы внимательного чтения: испещрены разного рода заметками и отметками, сделанными его рукой. Живя в Москве, Симеон не только много читал, но и еще больше писал. «На всякий же день име залог писати в полдесть по полу тетради, а писание его бе зело мелко и уписисто», — свидетельствует современник. Писал Симеон Полоцкий во всех тех областях литературы, для которых дала ему подготовку Киевская коллегия; он сочинял стихи, проповеди, учебники, даже богословские трактаты.

В лице Симеона Полоцкого мы впервые в истории русской культуры сталкиваемся с типом писателя-профессионала, систематически, из года в год, осуществляющего свой творческий план. Литература для Симеона Полоцкого была не только любимым занятием, но и средством если не существования, то, во всяком случае, того материального благополучия, которым он так дорожил. Зная цену своему научно-литературному труду, Симеон, не стесняясь, требовал за него вознаграждения и, если оно по каким-либо причинам запаздывало, писал соответствующие челобитные. Одна из таких челобитных Симеона сохранилась. Она представляет известный интерес, характеризуя литературный быт Московской Руси второй половины XVII в. «В прошлом, государь, году,— писал Симеон царю Алексею Михайловичу,—егда изволил господь бог блаженный памяти государыню царицу и великую княгиню Марию Ильиничну от временныя жизни переселити во вечную, написал я, твой государев холоп во похвалу святого ея государыни жития и во воспоминание вечное добродетелей ея, вечныя памяти достойных, книжицу хитростию пиитического учения и вручил тебе, великому государю, ради утоления печали сердца твоего, и за тот мой прилежный труд от тебе, великого государя, ничем я не пожалован...» Заканчивается эта челобитная настоятельной просьбой к царю вспомнить о его, Симеона, «большой скудости» и пожаловать нечто «во вспоможение». Документы свидетельствуют, что царь Алексей Михайлович такого рода просьбы своего придворного поэта обычно удовлетворял щедро рукою и деньгами и натурой. Требуя вознаграждения за свой литературный труд, Симеон ссылался на свою «скудость» не столько потому, что действительно нуждался материально, сколько по литературной формуле; того содержания, которое он получал как наставник царских детей, вполне хватало на жизнь, соответствовавшую всем требованиям его избалованного вкуса: известно, что он имел несколько человек прислуги и даже держал лошадей. Произведения свои Симеон очень ценил; придавая им большое просветительное значение, он тщательно берег каждую написанную им строчку. В 1670 г. Симеону удалось завести типографию при дворе, в которой он мог печатать книги по своему усмотрению. Он деятельно принялся готовить к печати собрание своих сочинений. Довести это дело до конца ему не удалось: 25 августа 1680 г. в расцвете творческих сил, на 51 году жизни, он умер.

Талантливый проповедник, ученый полемист и богослов, переводчик и педагог, Симеон Полоцкий в историю русской литературы вошел, однако, прежде всего как основоположник русской силлабической поэзии.

Стихотворство было одним из любимых занятий Симеона Полоцкого. Стихи писал он быстро и, видимо, всегда с большим увлечением. Репутацию способного и опытного стихотворца он завоевал себе уже в Полоцке. В 1656 г. царю Алексею Михайловичу, в один из его приездов в Полоцк, братия местного Богоявленского монастыря поднесла стихотворные приветственные «метры»; в составлении этих «метров» принимал участие и Симеон. В Москву Симеон Полоцкий приехал уже зрелым мастером, с установившимися литературными вкусами и выработанными приемами стихотворной техники. Как поэт Симеон Полоцкий с первых же дней своей стихотворной деятельности примкнул к направлению, которое в его время было господствующим в украинской и белорусской виршевой поэзии,— к так называемому «барокко». С системой этого литературного стиля, своими корнями восходящего к литературным традициям западноевропейского позднего Ренессанса, Симеон Полоцкий детально позна-

Рифмологіон Симеона Полоцкого. Автограф (рукоп. Гос. исторического музея; собр. б. Синодальной библиотеки, № 287)

комился уже в годы своего пребывания в Киевской коллегии, когда изучал там версификацию, риторику и поэтику. Уроки киево-могилянских законодателей литературного вкуса, дружеские советы и указания полоцких собратьев Симеона по искусству, Игнатия Иевлевича и Филофея Утчицкого, бывших воспитанников киево-могилянского «Атенея», а теперь монахов Боявленского монастыря, — были той школой поэтического мастерства, которую Симеон Полоцкий прошел и традиции которой оберегал в течение всей своей многолетней литературной деятельности. Стихи Симеона Полоцкого — наиболее яркое и полноценное выражение школьного «барокко» в русской литературе XVII в. В его стихах налицо все характерные признаки этого стиля: аллегоризм, интерес к греко-римской мифологии, большое развитие разных стилистических «украшений», имеющих чисто орнаментальное назначение, нарочито-затрудненная речь в результате необычной расстановки слов и т. п. Строгий ревнитель чистоты усвоенного им литературного стиля, Симеон Полоцкий тщательно следил, в особенности в первые годы своей литературной деятельности, за тем, чтобы стихи его соответствовали всем нормам этого стиля. Не менее строгий пурист в вопросах стиха, он вошел в историю русской силлабической поэзии как классик силлабического стиха, канонизатор строгой точности в счете слогов, обязательной цезуры в одиннадцати и тринадцатисложном стихе, преимущественно женской рифмы и «переноса».

Поэтическое наследство Симеона Полоцкого огромно. Общее количество стихотворных строк, написанных им за все годы его литературной деятельности, достигает пятидесяти тысяч. Нет, кажется, жанра, в котором Симеон Полоцкий не пытался бы написать стихотворение. Огромное поэтическое наследство Симеона Полоцкого невольно внушает убеждение.

что он, приехав в Москву, поставил себе задачу ознакомить москвичей с образцами всех «поэтических» жанров из числа тех, которые были ему известны и рекомендовались в его время школьными поэтиками.

Незадолго до своей смерти, в 1678 г., Симеон все свои стихи, «в различная лета и времена сложенные», объединил в два обширных сборника — «Рифмологион» и «Вертоград Многоцветный». Оба сборника представляют первостепенный интерес для характеристики Симеона Полоцкого как поэта (ненапечатанные при жизни автора, они так и не изданы полностью до сих пор).

В состав первого сборника вошли стихотворения, написанные Симеоном Полоцким «на случай», по поводу различных событий из жизни преимущественно царской семьи и приближенных ко двору лиц — «Приветство» царю Алексею Михайловичу «о вселении его благополучном в дом, велиим иждивением, предивною хитростию, пречудною красотою, в селе Коломенском новосозданный», «Ко государю царю приветство по новом браце» и т. п. Все эти стихотворения Симеона Полоцкого, приветственные, поздравительные, хвалебные, относятся к разряду поэзии панегирической. Центральное место в составе «Рифмологиона» Симеона занимают его так называемые «книжицы приветственные» — циклы стихотворений, объединенных единством темы и композиционного замысла. Их пять (три «приветственные» в прямом смысле этого слова и две траурные): «Благоприветствование царю Алексею Михайловичу «о ново богом дарованном сыне государе нашем царевиче и великом князе Симеоне Алексеевиче» (1665), «Орел Российский» (1667), «Френы, или Плачи всех сынов и чинов православного Российского царства» о смерти царицы Марии Ильиничны (1669), «Глас последний ко господу богу...» царя Алексея Михайловича (1676) и «Гусли Доброгласная» (1676).

«Книжицы» эти принадлежат к числу наиболее замечательных творческих достижений Симеона Полоцкого как поэта.

В особенности эффектна вторая по времени «книжица приветственная» Симеона Полоцкого — «Орел Российский». «Книжица» эта была поднесена Симеоном царю Алексею Михайловичу и сыну его великому князю Алексею Алексеевичу в день нового года 1 сентября 1667 г., когда царевич был объявлен наследником престола. Подносный экземпляр «Орла» сохранился; он представляет собой книгу in quarto в переплете, оклеенном шелковой материей малинового цвета, писанную четким полууставом со многими раскрашенными рисунками.

«Орел Российский» — сложное литературное сооружение, построенное по всем правилам «барочной» литературной архитектоники. Начинается «Орел» двумя посвящениями царю и царевичу, составленными в форме стихотворной криптограммы («афиеросис»). За ними следует прозаический «Енкомсион», похвальное слово, в котором автор уподобляет царя Алексея Михайловича, освободителя «от рук иноверных» Малой и Белой России, — солнцу, лучами своими освещающему весь мир и изливающему на всех милости. За ним — «Елогион», второе похвальное слово, составленное одиннадцатисложными силлабическими стихами, — одно из наиболее эффектных мест «Орла Российского». Весь он состоит из равномерно чередующихся риторических обращений и вопрошаний, украшенных пышным ассортиментом разного рода сравнений, уподоблений, метафор, характерных своим типично «барочным» гиперболизмом. Начинается он таким обращением к «Орлу Российскому»:

РѢДОМОЛОГИОН НЫИ СТІХОСЛОВЪ

Содержайт въ себѣ стіхи радномѣрно
и красномѣрно сложенныя: различны
наждамъ приличныя.

Въ славу и честь

Бѣга въ трицѣтинахъ.
Пречыя бѣга Мотре,
Стыхъ оубоуднишавъ дѣнихъ.

Въ пользу

Юныхъ и старыхъ. Дѣлныхъ и мирскихъ
различныхъ сановъ.
Купно по штихъ и оумиленіе. Бѣбо
дарствіе. Похвалъ, и прихвалъ, и прогас.

Бѣжіею помощію

Трудлюбіемъ многобѣгшавъ до Іеро-
монаствъ СѢМЕСНОА Полоцкавъ,
въ различная лѣта и времена сло-
женныя. Потомъ же въ едино
собраніе согетанныя.

Въ лѣто съ созданія міра, Зрѣз.
съ рожества бѣга въ плоти,
и оуон.

Пресветлый Орле Российския страны,
 честнoкаменным венцем увенчаны,
 Орле преславный, высоко парящий
 славою Орлы вся превосходящий.
 Вскую превыше облак водородных
 париши крылы перий словоплодных?
 Что в пространстве воздуха велика
 суть стремления тобою толика?
 Яко исполнь есть весь Орызонт славы
 всемирных концев от твоея главы.
 Глава та небес самых достязает,
 простертость крылу вес мир окривает.
 Ногама скиптри царския держиши
 в море, на земли властельно стоиши...

Подобно солнцу, «во Российском небе» сияет царь Алексей Михайлович и «пресветло» ошвещает весь мир лучами своих «доброт». Пресветлое имя его «чудне» славится в самых отдаленных странах, где золотавласый Гигант пускает своих коней и где останавливает их, где престол Нептуна, где Эол повелительствует. Слава его достигаает столпов Геркулеса и «стран Америцких». Своим правдолюбием и «изгнанием лести» он превосходит Александра Великого, Тита, римского императора, Соломона. Блаженны те, которые служат ему, потому что милость его безмерна: ни Ганг, ни Пактол не приносят столько золотого песку, ни обильная роса столько влаги, сколько оказывает «доброт» царь Алексей. Свет его в семь раз светлее лучей Феба. Второе солнце, которым может гордиться Орел Российский, — царевич Алексей, который вместе с отцом составляет одно.

Далее следует изображение солнца, в котором нарисован Орел Российский; солнце испускает сорок восемь лучей, в каждый луч вписана одна из присущих царю Алексею Михайловичу добродетелей: «правдолюбие», «правосудство», «щедродаяние», «словопостоянство», «добронравие», «уветливость» и т. п. Поэт обращается к Аполлону и его музам с просьбой «стиховецати», что означает орел, изображенный в солнце (в отличие от «Елогиона», обращение это составлено сапфическими строфами — 11+11 + 11+5).

Выступают музы, «честныя девы, умныя камены», и поочередно «стиховецают»; чередованию муз соответствует и чередование стихотворных размеров — 8-, 10-, 11-, 12-, 13-сложных. Каждая из муз прославляет Орла Российского, объясняя его аллегорическое значение: «Терпомени» (Мельпомена) сравнивает российского орла с римским Янусом; «Полимния» говорит, что скипетр в деснице Орла Российского знаменует благодать, меч же царский — «казнь злым»; «Калиопиа» советует белому орлу (герб Польского государства), всаднику «мечедержному» (герб Великого княжества Литовского) и луне (герб Турции) покориться Орлу Российскому, который возьмет их под свою защиту; Терпсихора выражает уверенность, что Орел Российский не лишит убежища и их, муз, под благодатной сенью своих крыльев, и т. п. «Стиховецающих» камень смеяет Апполон, который говорит, что ни сам «Омир преславный», ни Virгилий, ни Овидий, ни риторы и философы древности — Демосфен, Кикерон, Аристотель не в силах достойно прославить Российского Орла, — тут нужны певцы «от небесна лика». Он взывает к Орфею и просит его воспеть славу России — царевичу Алексею, которому, как и всякому новоявленному светилу, предстоит пройти «многозверный» путь «круга животных».

Далее следует рисунок зодиака и стихотворное объяснение каждого из его знаков: овна, тельца, близнецов, рака, льва и пр. В аллегорическом

толковании поэта каждый знак зодиака знаменует собою одно из тех качеств, приобрести которые должен царевич по примеру своего отца: смирение, труд «учения», правосудие, любовь к ближним и своему народу. Рисуя царевичу образ идеального монарха, поэт намекал в отдельных случаях, осторожно, не выходя за рамки панегирика, на необходимость разрешения таких политических задач, которые ему казались неотложными; так, например, он выражает уверенность, что царевич, когда вступит в знак Рака и Льва, — расширит «свою власть морем и землю, что рак зодийный клещею своею» победит «Льва желтополска, венцем увязенна, твоим пределом при мори сближенна» (герб польской Лифляндии).

Затем следуют стихи, написанные в форме сердца, в которых автор выражает лучшие пожелания всему царскому семейству. Причины, побудившие его придать этим стихам форму сердца, излагаются в стихотворении, составленном сапфическими строфами. Далее — стихотворный диалог «Фаегон и Ихо» в рамках тринадцатисложного стихотворения. Феб задает вопросы; эхо или «ихо», как по-новогречески произносит это слово автор, — отвечает. Тема диалога: добродетели царя Алексея Михайловича. Ответы на вопросы в форме «эха» — одна из тех трудных в техническом отношении версификационных задач, которые любили ставить себе поэты эпохи «барокко»:

...В благочестии есть ли добль веры? Без меры.
Заповедей господних любитель? Хранитель...
...О смиренных како он умствует? Чествует.
Премудрости есть ли он искатель? Стяжатель...

Далее следует акrostих и пять посвященных царю Алексею Михайловичу анаграмм. В заключение снова выступают музы и говорят, что скорее перо остановится, чем они перестанут хвалить царя. Закачивается «Орел Российский» еще одним прославляющим царя стихотворным «Прилогом» и криптограммой, которой автор искусно зашифровал свое имя.

Историко-литературное значение и этого панегирика Симеона Полоцкого и других его панегирических стихотворений, вошедших в «Рифмологийон», не подлежит сомнению. В истории русской поэзии они положили начало традиции, следы которой отчетливо заметны даже у поэтов-одонписцев второй половины XVIII в. Не избежал воздействия этой традиции даже такой мастер, как М. В. Ломоносов. Многие из его поэтических гипербола — сравнение России с небом, царя с орлом или солнцем и т. п. — восходят именно к той поэтической фразеологии, основоположником которой в русской «хвалебной», панегирической поэзии был Симеон Полоцкий.

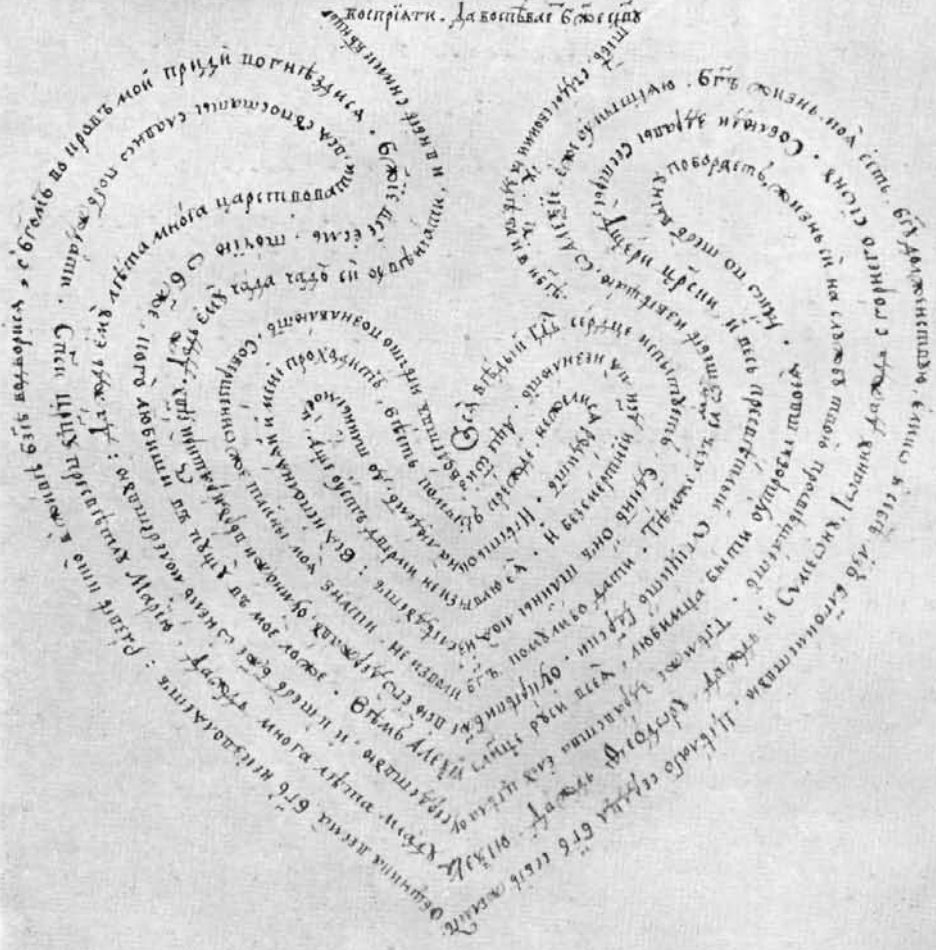
В лице Симеона Полоцкого русская культура XVII в. приобрела не только первого поэта-придворного панегириста, но и первого поэта-просветителя. Поселившись в начале 60-х годов XVII в. в Москве, Симеон Полоцкий, по собственному признанию, приложил немало труда и тщания, чтобы пересадить «богодухновенноцветородныя» семена и корни из иностранных «вертоградов» в «домашний», ознакомить москвичей со всеми теми сведениями из области науки и литературы, античной и западноевропейской, какие он, библиофил и начетчик, систематически извлекал из доступных ему книг.

Плодом этой просветительской деятельности Симеона Полоцкого и явился до известной степени второй монументальный сборник его стихотворений — «Вертоград многоцветный». В состав этого сборника вошло

Сило ты ирпдл превшла сынх,
Снце Рссии Цра сплвта сынх,
Блопоручно Зоднн сцончиши,
Зейный ишлчный втне поручиши,
Сблннчншд блн пончнна бддлпъ,
слшд тп с блн пошлнн првдлпъ.

СН ИЗБЫТКИ СШС ЖТЪ ЛЮ. ЛХ: Ма: Б.

поспіаки. Да возбавят бже сцад

Вирши из Рифмологиона Симеона Полоцкого в форме сердца

около 1240 стихотворений самых разнообразных жанров: «подобия, образы, присловия, толкования, эпитафии, образов подписания, повести, молитвы, увещания, обличения»,— по определению самого автора в предисловии к сборнику.

Не менее разнообразен «Вертоград многоцветный» и в тематическом отношении. Имея в виду прежде всего познакомить читателя с сокровищами разных иностранных «идиомат» и «прегатоцветных вертоградов», Симеон Полоцкий невольно сообщил и своему «Вертограду» характер стихотворной энциклопедии, стихотворного справочника по тем или иным вопросам. Самый материал распределен у него по тематическим рубрикам и в алфавитном порядке. Большое место в «Вертограде многоцветном» занимают стихотворения, которые он сам относит к жанру «подобий, образов, повестей». Это стихотворные обработки разных повествовательных сюжетов из сборников повестей (exemplorum) или, как их называли у нас в XVII в., «прикладов» типа «Великого зерцала», «Римских деяний», «Speculum Historyale» Викентия из Бовэ, «Legenda aurea» Якова де Ворагине, а также разных «Апофтегмат» и «Фадцей», известных и русской литературе второй половины XVII в. в переводе с польского языка. Таковы стихотворения Симеона Полоцкого на псевдоисторические сюжеты: «Месть или отмщение» (об убийстве лангобардского короля Альбоина женой его Розамундой), «Жена блудная» (о коварном убийстве шотландского короля Кемефа его женой Фенеллой посредством яблока, таившего в себе смертоносные стрелы), «Казнь за сожжение нищих» (о гибели епископа Гаттона, съеденного мышами) и др.; стихотворные обработки исторических анекдотов и изречений знаменитых в истории лиц — царей, королей, философов и поэтов,— Александра Македонского, Юлия Цезаря, Юстиниана, Гомера, Софокла и др.; стихотворные обработки разного рода легендарно-агиографических повестей. Сюда же относятся изредка встречающиеся в «Вертограде многоцветном» стихотворные переложения повестей светского содержания, дидактических и «смехотворных». Читаются в «Вертограде многоцветном» и стихотворения на темы из всемирной истории, географии, из области зоологии со сведениями о слоне, камелеоне, фениксе, аспиде и пр., минералогии и даже эмбриологии («Объятие», «Плод безмужный»), стихотворения, посвященные определению философских понятий, юридических терминов. Немало стихотворений дидактических, содержащих в себе то или иное нравоучение. Встречаются изредка и стихотворения шуточные, все содержание которых сводится к какому-нибудь анекдоту или забавному каламбуру. В тех редких случаях, когда автор пытался выйти за пределы своей ученой, сугубо-литературной тематики, находим в «Вертограде многоцветном» стихотворения, которые условно можно отнести к социальной сатире,— условно потому, что сатира эта еще очень абстрактна и отражает современную автору действительность преимущественно сквозь призму известных ему литературных образцов этого рода поэзии. Сюда относятся стихотворения, направленные против невежд, пьянства, ростовщичества, стихотворные размышления автора о невыгодах женитьбы для человека, желающего посвятить себя научной деятельности, о трудностях для вдовы сохранить верность покойному мужу и т. п. Из серии этих стихотворений, относящихся по терминологии автора к разряду «обличений», заметнее остальных первое стихотворение направлено против пьянства и чревоугодия монахов, второе — представляет собою не лишенный колоритности очерк старинных

русских торговых обычаев и купеческих нравов с подробным перечислением всех тех мошеннических способов, к которым прибегают купцы, когда хотят обмануть своих покупателей. «Вертоград многоцветный» — сборник, преследующий преимущественно научно-популяризаторские и дидактические цели: стихотворения в стиле «Орла Российского» сюда не вошли. Но специфические «барочные» черты свойственны и этому сборнику: аллегоризм и его спутники — вычурные сравнения и уподобления, нередко исчерпывающие все содержание поэтической темы, и здесь нашли свое место.

«Рифмологионом» и «Вертоградом многоцветным» поэтическое наследие Симеона Полоцкого не исчерпывается. В 1678 г. Симеон Полоцкий, следуя примеру польского поэта Яна Кохановского, перевел стихами всю Псалтырь. Перевод, под заглавием «Псалтырь рифмотворная», в 1680 г. был напечатан в Москве. В предпосланном изданию предисловии Симеон Полоцкий в следующих словах объяснял причины, побудившие его переложить Псалтырь стихами: «Мнози во всех странах Малыя, Белья, Черныя и Червонныя России, пачеже во Велицей России, в самом царствующем и богоспасаемом граде Москве, возлюбиха сладкое и согласное пение польские псалтыри, стиховно преложенныя; обыкоша тыя псалмы пети, речей убо мало или ничто же знающие и точию о сладости Пения увеселяющесея духовне». Вот эту польскую псалтырь, «стиховно преложенную», Симеон Полоцкий и поставил своей задачей заменить, «явив» ее «на нашем языке славенstem». «Псалтырь рифмотворная» Симеона Полоцкого пользовалась широкой популярностью не только в XVII в., но и в первой половине XVIII в.; это была одна из первых книг, прочитанных Ломоносовым. В конце XVII в. она была положена на музыку государевым дьяком Василием Титовым, известным русским композитором конца XVII—начала XVIII в.; обширная композиция В. Титова, заключающая в себе 165 музыкальных номеров на текст псалмов Симеона Полоцкого, положила начало домашней, светской вокальной музыке в России.

В истории русской литературы XVII в. Симеон Полоцкий оставил известный след и как драматург. Первые опыты Симеона в этом жанре относятся еще к тому времени, когда он был учителем «братской» школы в Полоцке. Для учащихся этой школы он около 1658 г. написал небольшую рождественскую пастораль под заглавием «Беседы пастушеские», которая, по всей вероятности, под его руководством и была исполнена учащимися. Это — диалог двух пастухов, первый из которых — юноша, второй — более зрелый человек. Юноша предлагает вопросы, касающиеся рождества Христова, на которые второй пастух и отвечает. Завершается он традиционным рождественским «кантом»: «Ныне нам радость явился, Христос сын божий родися...» Занимался Симеон Полоцкий составлением и так называемых «декламаций» — стихотворений, объединенных единством темы и предназначенных для исполнения в присутствии каких-либо знатных лиц специально обученными тому «отроками» — обычно учащимися школ, иногда с «прологом» и «эпилогом». В 1660 г., когда Симеон Полоцкий впервые приехал в Москву, при дворе, 19 января, в присутствии царя Алексея Михайловича, двенадцать «отроков» (они прибыли в Москву из Полоцка вместе с Симеоном) поочередно выступили с приветственными «стихами краесогласными» сочинения своего наставника; это — первый пока известный нам случай публичного исполнения в Москве «декламации», составленной по всем правилам школьной теории этого жанра. Когда Симеон Полоцкий навсегда поселился в Москве:

«декламации» при дворе царя Алексея Михайловича, а после его смерти и при дворе Федора Алексеевича прочно вошли в придворный обиход. В Москве Симеон Полоцкий написал свыше двадцати новых «декламаций»; большинство из них в 1678 г. вошло в состав его «Рифмологиона». Здесь читается около десяти «декламаций», относительно которых нам достоверно известно, со слов самого Симеона, что они были «говорены» в присутствии царя «отроками», которых сам Симеон, конечно, и обучил этому искусству, — в Москве, в селе Коломенском, в селе Измайловском: «Стиси краесогласнии в похвалу святыя преподобномученицы Евдокии», «Метры краесогласнии в славу Христа господа нас ради умершаго и погребеннаго» и др.

В 1670-х годах Симеон Полоцкий от простейших форм школьной драматургии — «диалогов» и «декламаций» — перешел к форме более сложной — к драме. От этого времени дошли до нас две его пьесы в стихах: «Комедия о Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех в пещи не сожженных» и «Комедия притчи о блудном сыне». Обе пьесы — первые в русской литературе образцы так называемой «школьной драмы». Составлены они по типу тех небольших пьес, сочинением которых уже занимались во времена Симеона Полоцкого преподаватели пиитики и учащиеся украинских и белорусских школ и Киево-Могилянской коллегии в целях преимущественно учебно-педагогических. С пьесами этого типа обе «комедии» Симеона Полоцкого сближаются примитивизмом своей драматургической фактуры: простотой композиционного построения, объемом, отсутствием аллегорических фигур (*personae fictae*), обязательных для парадных школьных «трагедий» и «трагедокомедий».

В литературном отношении наиболее интересна вторая пьеса Симеона Полоцкого, написанная на популярный в школьной драматургии евангельский сюжет притчи о блудном сыне, который ушел из родительского дома, растратил все свое состояние, а затем, раскаявшись, вернулся домой и был радостно принят отцом. Пьеса состоит из пролога, эпилога и шести действий или «частей». В прологе говорится о содержании комедии и о пользе театральных представлений. В первой части выходит отец с двумя сыновьями и слугами. Он благодарит бога за все милости к нему, затем дает сыновьям советы и делит между ними имущество. Старший сын в длинном монологе благодарит отца и выражает желание попрежнему оставаться при нем. Младший просит позволения посетить чужие страны:

... Бог волю дал есть: се птицы летают,
Зверие в лесах вольно пребывают,
И ты мне, отче, изволь волю дати,
Разумну сущу, весь мир посещати...

Отец советует сыну сперва «вьящше приучитися в доме», а потом уже пускаться в далекое «странствие», но тот настаивает на своем:

... Что стяжу в дому? Чему изучуся?
Лучше в странствии умом обогащуся.
Юньших от мене отци посылают
В чюждия страны, потом ся не кают..

Отец снабжает его всем необходимым и отпускает. Вторая часть посвящена изображению роскошной жизни блудного сына. Он нанимает себе великое множество слуг, пирует с ними, пьет, и, наконец, совершенно пьяный ложится спать. В третьей части блудный сын выходит на сцену с вищением тяжелого похмелья.

Чуждуся зело, вскую болит глава.
 Постель бе мягка, не твердая лава.
 К тому не помню, како положихся.
 Негли та вина, яко утрудихся
 Вчера играя? А крепко стужает
 Болезнь, даже мир весь ся обращает...

Слуги утешают его и советуют опять пить вино. Вскоре оказывается, что деньги все истрачены. Слуги отказываются служить блудному сыну и с криком: «Емли!» расхищают все имущество и разбегаются. В четвертой части блудный сын, продав свою последнюю одежду и надев рубище, томимый голодом, ищет работы. Встречный «купчин» рекомендует его одному господину в слуги; тот посылает его пасти свиней; блудный сын съедает предназначенную для свиней пищу и за это подвергается побоям; наказание происходит «за завесой», откуда слышны только крики блудного: «Государь, пощади!» Пятая часть изображает его встречу с отцом и пир по случаю его возвращения, а в шестой части блудный сын, в длинном монологе, выражает свое раскаяние. В эпилоге пьесы высказывается следующая мораль:

Юным се образ старейших слушати,
 На младый разум свой не уповати;
 Старим — да юных добре наставляють,
 Ничто на волю младых не спущають...

Из ремарок следует, что каждая часть пьесы при ее исполнении на сцене должна была заканчиваться пением хора и, по традиционному обычаю школьных драм, — интермедией.

Предполагают, что ближайшей причиной, побудившей Симеона Полоцкого избрать именно этот сюжет для своей «Комедии о блудном сыне», был исторический факт — бегство за границу в 1660 г. сына царского любимца А. Л. Ордина-Нащекина, вызвавшее немало толков в Москве и упреков по адресу оторченного отца.

Не подлежит сомнению, что в обобщенных образах евангельской притчи о блудном сыне Симеон Полоцкий схематично, но в основном правильно, отметил одно из характерных явлений своего богатого противоречиями времени: отсутствие в ряде случаев среди молодежи достаточно четкой ориентации в вопросах культурного общения с Западной Европой. На практике это нередко вело к тому, что молодежь, вскружив себе голову рассказами о Западной Европе, серьезное изучение западной культуры, западной науки, техники, искусства подменяла поверхностным подражанием всему «иностранному» и не менее поверхностной критикой всего того, что она привыкла видеть у себя дома. Московские «блудные сыновья» не могли не волновать Симеона Полоцкого, одного из вождей московского «западничества» XVII в.; своим «соблазнительным» поведением они компрометировали дело, которому он ревностно служил, давали лишний повод охранителям московских старозаветных обычаев позлорадствовать над «немецкими» новшествами и в жизни и в литературе. Симеон Полоцкий сделал все, чтобы его «Комедия о блудном сыне» прозвучала уроком, — уроком не только для «блудных» сыновей, но до известной степени и для отцов. Первых он сурово осудил, вторых упрекнул за то, что они, отпуская своих сыновей в далекое «странствие», не проявляют, однако, должного внимания к ним, не разъясняют им задач их просветительного «странствия», не принимают никаких мер, чтобы оградить их от

искушений, подобных тем, жертвой которых стал изображенный им блудный сын. Проникнутая пафосом борьбы за подлинное просвещение в том смысле, в каком понимали его передовые люди XVII в., «Комедия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого живо интересовала читателей и в XVIII в. Сохранилось три издания ее, сделанные с одних и тех же досок. Предполагают, что первое издание было сделано в 1685 г. с досок, гравированных русскими мастерами Леонтием Буниным и Григорием Тепчегорским по рисункам голландского гравера Петра Пикара отца. Однако сын Пикара вспоминал, что он работал с отцом в России с 1687 г. Третье издание оттиснуто уже в конце XVIII в.

Много внимания уделяя поэзии, Симеон Полоцкий надеялся, что искусство «пиитического учения» привьется в русской литературе. И действительно, уже в 1680-х годах оно успело прочно войти в литературный обиход, с каждым годом расширяя круг своих поклонников. Когда Симеон Полоцкий умер, на смену ему пришли другие «пииты». Правда, среди них, до XVIII в., не было ни одного, равного по значению Симеону Полоцкому; но роль свою они все же сыграли: продолжая дело, начатое учителем, они своими скромными опытами подготовили расцвет русской силлабической поэзии в первой половине XVIII в., проложили путь ее крупнейшему представителю А. Д. Кантемиру.

2. Сильвестр Медведев

Одним из первых продолжателей Симеона Полоцкого был его ближайший ученик и друг — Сильвестр Медведев.

Сын подьячего, Симеон Медведев (Сильвестром он стал называться, когда принял монашество) родился в Курске 27 января 1641 г. В начале 60-х годов XVII в. он переехал в Москву и поступил на службу в Приказ тайных дел в качестве писца, а затем — подьячего. В 1665 г. Симеона Медведева, вместе с двумя другими подьячими, отправили учиться «по латыням и грамматике» в школу, организованную в Спасском монастыре Симеоном Полоцким. Здесь Симеон Медведев в течение трех лет изучал латинский, греческий, польский языки, риторику и пиитику, прочел под руководством Симеона Полоцкого немало книг по истории, богословию и, повидимому, даже философии. Закончив курс обучения, Симеон Медведев вернулся к исполнению своих обязанностей подьячего. В 1668 г. его, вместе с некоторыми другими подьячими Приказа тайных дел, командировали к правительственной делегации, направлявшейся в Курляндию для переговоров с шведскими и польскими дипломатическими представителями. Три года спустя по возвращении из-за границы С. Медведев, по совету, видимо, Симеона Полоцкого, принял монашество и несколько лет провел в одном из курских монастырей. В 1677 г. он вернулся в Москву и поселился в Спасском монастыре вместе с Симеоном Полоцким в качестве его личного секретаря. Через год он получил официальное назначение на должность справщика Печатного двора: эту ответственную и почетную должность он занимал около одиннадцати лет, — по 1689 г. Сторонник царевны Софьи, С. Медведев в 1689 г. по приказу Петра был арестован и обвинен «в воровстве, измене и возмущении к бунту». Розыск подтвердил это обвинение и установил причастность С. Медведева к заговору Ф. Шакловитого, подготовлявшего политический переворот в пользу Софьи. Всех участников заговора приговорили к смертной казни. 11-го февраля 1691 г. С. Медведев был казнен.

При жизни Сильвестр Медведев пользовался репутацией человека «великого ума и остроты ученой». С первых же дней своей общественно-литературной деятельности С. Медведев примкнул к тому направлению московских «просветителей» XVII в., которое возглавлял его «прелюбвейший учитель и благодетель» Симеон Полоцкий. «Словом и делом» всегда и во всем подражать ему, «любомудрственнейшему грамматикку, всепремудрственнейшему риторку, витийственнейшему в логичестве, яснозрительнейшему в философии»,— было для С. Медведева, по его собственному признанию, правилом, от которого он старался никогда не отступать.

В 80-х годах XVII в., завязалась полемика сперва по одному частному богословскому вопросу, а затем и по ряду принципиальных вопросов, связанных с постановкой высшего образования в Русском государстве, книжного исправления, просвещения вообще. С. Медведев повел организованную борьбу с грекофилами всеми доступными ему средствами, и устно и письменно, отстаивая завещанную ему Симеоном Полоцким просветительную программу.

Дошедшие до нас полемические произведения С. Медведева, направленные против грекофилов,— «Хлеб животный», «Книга о Манне хлеба животного», «Известие истинное православным и показание светлое о новом правлении в Московском государстве книг древних» и др.,— «распоречиво свидетельствуют о том, с какой страстностью боролся он за свои убеждения, за перестройку на новых началах школы и вообще просвещения. Добиться этого Сильвестр Медведев мечтал с помощью правительницы Софьи и кн. В. В. Голицына, но в расчетах своих ошибся; ошибка эта стоила ему жизни.

Поэтическое наследие Сильвестра Медведева невелико. Писать стихи он начал уже только после смерти Симеона Полоцкого. При жизни учителя он, видимо, не решался состязаться с ним на этом поприще. Впервые публично в роли поэта С. Медведев выступил в 1680 г. В этом году, вскоре после смерти Симеона Полоцкого, царь Федор Алексеевич, желая почтить память своего бывшего учителя приличной эпитафией, соответствовавшей его заслугам, приказал С. Медведеву составить ее в стихах,— составить «разнообразно», т. е. в нескольких вариантах. С. Медведев написал четырнадцать кратких эпитафий, но ни одна из них царю не понравилась. С. Медведев получил приказ составить «ино надгробное, 12 статей, в кийждо статье по два верша». В последней редакции «Эпитафийон» принял вид обширного стихотворения, первая из двенадцати строф которого начиналась следующими стихами:

Зряй, человек, сей гроб, сердцем умилися.
О смерти учителя славна прослезися...

На этот раз царь не только одобрил творение Сильвестра, но даже, по словам Сильвестра, «сие надгробное надписание» указал «на двух каменных таблицах вырезав, позлатить и устроить над гробом своею государскою казною из приказа каменных дел».

В 1681 г. С. Медведев составил «Благожелательное приветствование» царю по случаю рождения царевича Ильи Федоровича, но поднести его не успел: царевич скончался. В 1682 г. Сильвестр переделал это «Благожелательное приветствование» в «Приветство брачное» (по случаю второго бракосочетания царя Федора), которое он 18 февраля, три дня спустя после торжества, собственноручно и поднес царю. Когда 27 апре-

ля 1682 г. царь Федор скоропостижно умер, С. Медведев почтил его память длинной элегией под заглавием «Плач и утешение двадцатьма двема виршами, по числу лет его царского пресветлаго величества, яже поживе в мире». Из стихотворений С. Медведева, написанных им после 1682 г., наиболее замечательны стихотворное «Вручение» проекта Академии, поднесенное царевне Софье 21 января 1685 г., и «Подпись» к ее портрету с латинским стихотворным переводом. Первое стихотворение представляет собою просьбу утвердить проект Академии — «свет наук явити»; автор выражает уверенность, что царевна исполнит эту просьбу, и прославляет ее мудрость:

Яко ты перва зде мудра явися.
Тобою мудрость весьма возлюбися.
Той от тебе свет нача сияти,
В Москве невежества темность проганяти,
И имать вечно слава ти сияти.
Мудрости ея ти имя прославляти...

Второе стихотворение — типичный образец «барочной» панегирической лирики: тут Софья сравнивается и с Семирамидой, и с Елизаветой Британской, и с мудрой царицей Пульхерией; прославляется ее «премудрость», сияющая в «царском лице», ее «честь», блистающая «в очесех и в устех», и пр.

Стихи С. Медведева мало оригинальны. Установлено, что почти все они представляют собою более или менее искусный монтаж частью из стихотворений Симеона Полоцкого, частью из стихотворений, ранее написанных самим С. Медведевым. Так, например, «Благожелательное приветствование» все целиком составлено из стихов, взятых из «Рифмологиона» Симеона Полоцкого; «Приветство брачное» переделано из «Благожелательного приветствования» с добавлением ряда стихов, заимствованных у Симеона Полоцкого; «Вручение» проекта Академии включает в себе, помимо стихов того же Симеона Полоцкого, ряд стихов и из ранее написанного С. Медведевым «Приветства брачного» и т. д. Сохранившиеся до нас черновики С. Медведева свидетельствуют о том, что он много и усердно работал над своими стихами. И тем не менее у него нередко хромают стихотворные размеры; рифмующиеся слова отягчаются (как, впрочем, иногда и у Симеона Полоцкого) неправильными ударениями; славя — главы, деницу — двоицу и т. п.; часто встречаются неточные рифмы: премудрости — обрести, концерты — бессмертны, супостаты — успевати и пр. Искусство стихотворства, очевидно, нелегко давалось С. Медведеву. Наблюдая за тем, как перерабатывал С. Медведев стихи Симеона Полоцкого, нетрудно заметить одну характерную для него тенденцию: он более или менее систематически вытравлял из стихов Симеона Полоцкого аллегорические уподобления, мифологические подробности, снижая вычурность его стилистики. Эстетическая функция этих стилистических «украшений» Симеона Полоцкого, видимо, была не вполне ясна для С. Медведева.

3. Карион Истомир

Одновременно с С. Медведевым, в начале 80-х годов XVII в., выступил в качестве поэта его земляк и дальний родственник — Карион Истомир. Сын курского подьячего, Истомир Заулонского или Заболонского,

Карион Истомин родился в конце 40-х годов XVII в. Около 1676 г. он принял монашество в одном из курских монастырей и вскоре по вызову С. Медведева переехал в Москву. Здесь он вначале поселился в Спасском монастыре вместе с С. Медведевым, под руководством которого начал изучать латинский язык, а затем перешел в Чудов монастырь, где поступил в число учеников патриаршей школы. Школа эта находилась в ведении «грекофилов», а Карион Истомин здесь получил возможность основательно изучить греческий язык. В 1679 г. Карион Истомин поступил на службу на Печатный двор, сперва в качестве рядового писца и чтеца, а с 1682 г. — в качестве книжного справщика. На Печатном дворе К. Истомин проработал 22 года. С 1698 по 1701 г. он занимал ответственную должность начальника Печатного двора; в 1701 г., в связи с реорганизацией Печатного двора, Карион Истомин, по указу Петра, сдал эту должность справщику Федору Поликарпову. Оставив службу на Печатном дворе, К. Истомин временно уехал в Новгород, куда его пригласил новгородский митрополит Иов для перевода книг с греческого и латинского языков и преподавания в организованной им в Новгороде школе. Умер Карион Истомин в Москве в 1717 г.

Карион Истомин принадлежал к числу тех московских просветителей второй половины XVII в., которых один из второстепенных писателей того времени, иеродиакон Дамаскин, метко назвал «пестрыми». В вопросе о направлении высшего образования в Москве, просвещения вообще, «пестрые» занимали примирительную позицию между «западниками» и «грекофилами», уподобляясь, по образному выражению того же Дамаскина, трости, колеблемой ветром то в одну, то в другую сторону. Одним из «пестрых» был К. Истомин и как поэт. Искусству слагать стихи он учился сперва у Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева, а с 1685 г. — у братьев Лихудов. Как поэт он, следовательно, воспитывался под перекрестным влиянием двух традиций: украинского школьного «барокко» и новогреческой ученой поэзии.

Первым по времени стихотворным произведением К. Истомина была целая книга приветственных стихов царевне Софье Алексеевне, поднесенная в 1681 г.; книга эта не дошла до нас. Через год, 12 ноября 1682 г., К. Истомин поднес царевне свой второй сборник стихотворений. Сборник состоит из небольшого вступления и шестнадцати стихотворений, составленных 11-сложными силлабическими стихами. По своему содержанию все эти стихотворения представляют собою просьбу об учреждении в Москве учебного заведения, в котором бы преподавались «свободные» науки; поэт здесь подробно говорит о значении просвещения, восхваляет ум Софьи, напоминает ей о заботах отца ее и брата образовывать своих подданных и просит, чтобы она умолила братьев своих Иоанна и Петра утвердить в Москве полный курс «наук совершенных»:

Сотвори людям твою царску милость,
Покажи Россом многу добротливость,
Поставь трапезу мудрости словесну,
Тщанием твоим к жительству небесну ...

Стихи К. Истомина были, видимо, благосклонно приняты царевной; во всяком случае, с 1682 г. К. Истомин стал систематически посвящать свой досуг поэзии.

Поэтическое наследство К. Истомина очень велико. Писал К. Истомин в самых разнообразных жанрах; наряду со стихами приветственными,

Виткорѣ Бѣхъ / Бѣди чинѣ и слава.

Онъ во людѣ вѣдѣ / В дѣлѣ всѣхъ Управа.

Применѣ когда ли / Кто хошетъ учиса.

Бѣхъ молатъ / За дѣло и миса.

Елански Граммата.

Славенски пиема та.

Зачъ съ образбитъ.

Званство ии казвють.

Калѣ пишѣтелъ / Тыя скорописецъ.

Досѣтъ уставомъ / Зри великъ оменовъ.

Примена сложны / дадѣтъ реченіе.

изъ онѣхъ слово / во все ученіе.

Иеромонахъ / Стинѣхъ Каретѣхъ.

Желаніе въишнѣ естъ / Успѣтии Градѣ сіемѣхъ.

Примѣти развѣхъ / въ свѣдѣтѣхъ Успѣтии.

посемѣхъ ѣ неѣхъ Бѣхъ / въ свѣдѣтѣхъ Успѣтии.

Мирзданіе Зѣмѣхъ / со свѣдѣтѣхъ же Бѣхъ слова / дѣхъ. Мѣца мѣрти / ии рѣчи мѣрти Градѣхъ Москвитѣхъ.

поздравительными, панегирическими, сохранились его стихотворные акафисты, молебны, молитвы, надписи к иконам, надгробные эпитафии. Поэт он был плодотворный. Кроме отдельных стихотворений, в рукописях хранятся целые сборники его стихов: «Книга Вразумление, стихотворными словесы состоящаяся...» (1683), сборник стихотворений в честь богородицы и святых под заглавием «Книга Стамна духоносная или Ведры...» (1690), стихотворная биография Иисуса Христа под заглавием «Едем си есть сладость прохлаждающая и вразумляющая человека зрением духовным...» (1693) и др.

Из числа этих сборников по содержанию наиболее интересен первый, посвященный одиннадцатилетнему царю Петру Алексеевичу, — «Книга Вразумление». Сборник состоит из девяти стихотворений. Начинается «Книга Вразумление» стихотворным обращением к царю Петру Алексеевичу с обычным пожеланием здоровья и многолетия. Все девять стихотворений сборника по содержанию связаны между собою: все они представляют собою «вразумление» царю Петру, которое ему читит устами автора сам бог. В первом стихотворении бог увещевает юного монарха вручить ему свое сердце, приять «мудрость света», чтобы быть полезным для людей; во втором — дает совет быть «помогателем в самодержавстве» брату Иоанну, в третьем — обещает дать Петру мудрость, плодами которой он впоследствии воспользуется; в четвертом — говорится, что Петр избран наследником «века ина», т. е. царствия небесного, к которому он должен себя приуготовить; в пятом — указывается на то, что вместе с братом Иоанном он поставлен царем, должен давать людям суд правый и «жити с мудростию добро»; в шестом — внушается, что он должен наставлять на путь правый своих подданных; в седьмом — что он должен учиться «с рабами в летех равными»; в восьмом — ему обещается награда от бога, если он будет любить его; в девятом, заключительном, — бог внушает Петру:

О царю Петре, прелюбезный сыне,
 Российска царства преизрядный крине!
 Матери твоей ты еси утеха,
 Се аз ти даю в мудрости поспеха.
 Учися ныне, прилежно учися
 В младости твоей царь мудр просветися.
 Пой предо мною, твоим богом, смело,
 Явь суд и правду, гражданское дело.
 Имаши мене тем добре почтити,
 Матерь твою и всех веселити...

Стихом владел Карион Истомина неплохо. Он любил ставить себе технически трудные задачи в области стихосложения и обычно решал их удачно. Наиболее удавались ему «леонинские» стихи с рифмующимися полустишиями. Эти стихи он предпочитал всем другим. Вот пример, наглядно показывающий, как справлялся К. Истомина с «трудными» формами стиха:

Преславному чуду являшуся всюду всяк присмотрися, богу дивися,
 Како незримый всеми любимый Иисус Христос, в плоти днесь возрос...

Как поэт Карион Истомина еще ждет своего исследователя.

Особо должны быть отмечены заслуги К. Истомина в деле пропаганды стихотворной культуры. Автор нескольких учебных руководств, К. Истомина охотно пользовался стихами как орудием популяризации тех

Букварь Кариона Истомина, изд. в Москве в 1692 г.

или иных научных сведений. Показательны в этом отношении два его «лицевых» учебника: «Малый букварь», в 1694 г. выдержавший два издания, большой «Букварь», изданный в 1696 г., и «Полис, си есть Град царства небеснаго...», первая редакция которого была написана К. Истоминым тоже в 1694 г. В «Букваре» каждая буква сопровождается небольшим нравоучительным стихотворением, составленным с таким расчетом, чтобы в нем упоминались названия всех тех лицевых изображений, которыми украсил «Букварь» известный гравер Леонтий Буниин — «ради любезного созерцания отрочатом учащимся». Так, например, буква ж в «Букваре» К. Истомина сопровождается стихотворением, в котором упоминаются все приложенные к ней «образы»: жених, жена, жезл, житница, жолудь, журавль, жребий, жила, жаба...

«Полис» представляет собою род энциклопедии. В краткой стихотворной форме здесь дана характеристика наук или «школьных обучений», числом двенадцать, расположенных в таком порядке: грамматика, синтаксис, пиитика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, философия, астрология, теология, мусика, врачевство. За науками следует характеристика четырех времен года, четырех частей горизонта, четырех частей света (Европы, Азии, Африки и Америки). Заканчивается «Полис» описанием церковных таинств и благодарностью богу. «Полис», таким образом, по мысли К. Истомина, должен был служить для учащихся введением к сумме всех человеческих знаний, пропедевтическим курсом, излагающим систему всех наук.

Вначале автор в двух вступительных стихах дает общее определение той или иной науки, а затем в пяти стихах, разделенных на два полустихия, сообщает более подробные сведения об этой науке, говорит о ее значении. Вот как характеризует К. Истомин в «Полисе» науку грамматики:

Грамматика учит знати
Глаголати и писати
Благо.

*Грамматику, душе, слыши,
Обзри смыслом аз и буки,
Пиши слова добре складом,
Глагол писму та начало,
К Христу простри моление,*

*писмена в ней изучиши.
емли перо в твои руки.
веди строки в разум рядом.
дело сна богом стало.
дает он всем спасение.*

К числу стихотворных произведений Кариона Истомина, также педагогического характера, относится его «Домострой». Адресованный в первой части к детям-школьникам, Домострой излагает правила поведения их, учит как относиться к старшим, предупреждая о наказании за нарушение правил.

В дальнейшем Домострой говорит об обязанностях слуг и, наконец, снова возвращается к предписаниям детям, перечисляя даже дозволенные им игры. Домострой заканчивается краткой характеристикой задачи автора:

*Наук изрядством Карион дети вся дарит,
в приятность неромонах и старым говорит,
Истомин, чтоб благоумни все того смотрели,
науку и страх в должности имели.
Ударений кто дати не восхоцет,
винный поклоны творя да не рощет.
Душеспасенно всем обучение,
в домовом ратном деле строение.
Измлада бо кто сего научится,
разумна суца бити не годится.
В противность смысла людем война рати,
в бозе надежда безстрастием стати.*

Когда К. Истомин составлял свой «Букварь», «Домострой» и «Полис», стихотворство уже успело занять прочное место в системе школьного обучения. Ряд стихотворных педагогических сочинений второй половины XVII в. был обращен непосредственно к учащимся. Рифмованные азбуковники, составленные, видимо, при участии учителей-украинцев, рисовали идеал благочестиво настроенного ученика:

Блажени иже во благом учении пребудут,
 Таковии вся дни без печали пребудут.
 Блажен иже во всем ненавидит долних,
 И ищет всегда блажсных надежд горних,
 Буди внимателен благому учению моему,
 Да будет честь и хвала отцу твоему,
 Буди высок в любомудрых науках,
 Да не уничтожен будещи в безконечных муках...
 Отроки вы благочестивые,
 Отревайте нравы злочестивые,
 Благочестиву родителю дети,
 Лепо вам присно бдети,
 Настоящему учению прилежно внимати,
 Душею и сердцем бодрственно вникати...
 Люте отроку непокорством к родителем содержиму
 И всякими неподобными страстми одержиму,
 Любы божия до конца такового оставляет
 Зде и в будущем веце мученими озлобляет...

Азбуковники внушали детям, что учение — тяжелый труд, и грозили наказанием за «нерадение». Часть виршей (иногда переведенных), помещавшихся в школьных книгах, воспевала розгу как спасительное средство, наставляющее ленивцев:

Аще и мнози во училищи поучаются,
 Мали же от них навькновени являються,
 Понеже леностнии и нерадивии обретаються,
 Блаженному учению учитися приходят,
 С нерадением же и невниманием учение проходят,
 Того ради и не получив разума отходят...

Для таких нерадивых рекомендуется розга:

Розгою дух святой детище бити велит,
 Розга убо ниже мало здравия вредит,
 Розга разум во главу детем вгоняет.
 Учит молитве и злых всех встягает...
 Аще ли же без розги из млада возрастется,
 Старости не достиг, удобь скончится...
 Целуйте розгу, бич и жезл лобзайте,
 Та сугь безвинна [в наказани], тех не проклинайте.

Среди образцов силлабических стихов последней трети XVII в. следует отметить стихотворные надписи монаха Мардария Хоникова к миниатюрам Библии Пискатора (стр. 177), составление которых было закончено автором в 1679 г. Этот обширный труд (3824 строки) только в некоторой части представляет перевод соответствующих латинских стихов из латинского экземпляра. Даже имея латинский текст, Хоников свободно разъяснял в своих стихах содержание миниатюры, а нередко давал стихотворные надписи и к тем иллюстрациям, которые в латинской Библии таких надписей не имели. Хоников вполне владеет техникой силлабического стихосложения, как можно видеть, например, из такого образца 11-сложных виршей к иллюстрациям «Песни песней»:

Аз есмь цвет полный, жених возглашает,
 Невесту же крин чистейший взывает.
 Его же яблонь в древах нарицает,
 Под его же сень витати желает,
 Невеста, плодом его сладящися,
 И вином любви зде веселящися

Школа явилась ближайшим проводником стихотворной культуры в широкие массы читателей. Стихотворное «Наказание от некоего отца к сыну своему», вирши Чудовского сборника, представляющие собой сентенции на слова «Соборника» 1647 г., и другие памятники этой «массовой» виршевой поэзии конца XVII в. — в техническом отношении весьма невысокого качества. Стих этих виршей неравносложный, напоминает опыты пионеров русской стихотворной культуры 20-годов XVII в. Этот неравносложный стих перешел и в XVIII век, привившись в демократических слоях послереформенного общества. Столкнувшись с родственной традицией сказочной рифмованной прибаутки, он сыграл свою роль в формировании стиха жарт, лубочных жанров и балаганного «раешника».

Эта линия развития русской поэзии уже в XVII в. имела тенденцию к взаимодействию с народной лирикой. На столбцах архива Квашниных-Самариных было написано несколько песен в строку, без деления на стихи. Исследование этих записей установило, что все они, за исключением одной, сделаны не ранее 1681 г. московским дворянином Петром Андреевичем Квашниным, и представляют собою не запись народных песен, а попытку составить стихи в народно-песенном складе. Найденные записи являются черновой рукописью П. А. Квашнина. Некоторые составленные им стихи, а также эпитеты («печаль необъятная», «сердечная искра»), свидетельствуют о том, что автор был человек начитанный и, составляя «вирши» в народно-песенном складе, старался украсить их образами и формулами повествовательной литературы с ее «галантностью» и сентиментальностью.

Свет, моя милоя, дорогая,
 Не дала мне на себе нагледетца,
 На хорошей прекрасной лик насмотретца,
 Пойду ли я в чисто поле гуляти,
 Найду ли я мастера живописца
 И велю списать образ ей на бумаге хорошей,
 Прекрасной лик на персоне поставлю
 [Я] во светлую светлицу.
 Как взойдет на меня тоска и кручина,
 Пойду ли я в светлую светлицу,
 Спасову образу помолюся,
 На персону мила другу насмотрюся,—
 Убудет тоски моей и кручины...

Небезынтересные для выяснения вопроса о генезисе петровской любовной лирики, эти «вирши» П. А. Квашнина, наряду с «Повестью о Горе-Злочастии», любопытный пример тех возможностей, какие таила в себе русская поэзия XVII в. Это — первые побеги той тенденции, которая была реализована уже только в половине XVIII в. Тредьяковским, вернувшим русский стих к его национальным истокам.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:
www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**